

**«X ЕСТЬ X» ЗНАЧИТ «X ЭТО X»?
ИЩЕМ ОТВЕТ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ***

© 2017

**Елена Леонидовна Вилинбахова^{а, @},
Михаил Вячеславович Копотев^б**

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация; ^б Хельсинкский университет,
Хельсинки, 00014, Финляндия; [@] e.vilinbakhova@spbu.ru

Статья посвящена двум русским тавтологическим конструкциям *X есть X* и *X это X*. Мы предлагаем анализ двух разновидностей тавтологий с привлечением диахронических и синхронических данных из Национального корпуса русского языка. В статье обсуждаются а) этапы формирования и развития этих конструкций в русском языке (с учетом уже ушедшего варианта *X суть X*); б) частотность разных синтаксических групп в качестве переменных *X* (по данным Национального корпуса русского языка); в) ограничения на употребление синтаксических групп в обеих конструкциях и г) семантические и прагматические особенности двух конструкций. Как правило, *X есть X* использует разные компоненты значения *X*, отсылая, например, к коннотациям языкового выражения, тогда как *X это X* чаще выражает именно тождество *X*-а самому себе, то есть является тавтологией в витгенштейновском смысле.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, микросинтаксис, прагматика, русский язык, семантика, синтаксические фраземы, тавтологии

**DOES “X EST’ X” MEAN “X ETO X”?
LOOKING FOR AN ANSWER
IN SYNCHRONY AND DIACHRONY**

Elena L. Vilinbakhova^{а, @}, Mikhail V. Kopotev^б

^а St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

^б University of Helsinki, Helsinki, 00014, Finland; [@] e.vilinbakhova@spbu.ru.

The paper deals with the Russian tautologies *X est’ X* ‘X is X’ and *X eto X* ‘X this is X’. We elaborate on the diachronic and synchronic analyses of the two constructions based on the data from the Russian National Corpus. The paper discusses a) milestones in the development of these two tautologies in Russian (taking into account the pattern *X sut’ X* ‘X are X’ that has completely disappeared from the language); b) frequency of different syntactic phrases used as the repeated element *X* (based on the Russian National Corpus data); c) syntactic constraints on phrases in both constructions; d) semantic and pragmatic features of the two types of constructions. We argue that *X est’ X* most often appeals to different components of *X*’s meaning (e. g. its connotations), while *X eto X* expresses the subject’s identity to itself, being a tautology in the Wittgensteinian sense.

Keywords: corpus linguistics, microsyntax, pragmatics, Russian, semantics, syntactic phrasemes, tautologies

* Работа частично поддержана Стипендиальной программой Банка Сантандер и СПбГУ № 31.55.1273.2016 и грантом Президента Российской Федерации МК-713.2017.6.

Введение

Книга К. Чвани «On the syntax of BE-sentences in Russian» заканчивается такими словами: «*Работа есть работа*. Для лингвиста эта строчка Окуджавы — триюизм»¹ [Chvany 1975: 198]. Действительно, несмотря на гигантский объем исследований, посвященных русским предложениям со связкой *быть*, все еще остаются не до конца разработанные темы. Предложение *Работа есть работа* иллюстрирует одну из них. В настоящей статье речь пойдет об особых конструкциях русского языка вида *X copula X* — так называемых тавтологиях, устанавливающих тождество, которые в западной традиции обозначаются термином «equative tautologies», или «equatives»²:

- (1) *Работа есть работа*.
- (2) *Работа — это работа*.

В рамках логического анализа языка интересующие нас тавтологии считаются безусловно истинными, поскольку «условия истинности тавтологичны» [Витгенштейн 1994: 33]. Такого рода высказывания признаются и семантически пустыми, и прагматически избыточными. Тем не менее они существуют во многих, если не во всех языках. Их относят к так называемым «аномалиям речевой деятельности», которые «нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [Булыгина, Шмелев 1997: 437]. В тавтологических высказываниях нарушена максима количества передаваемой информации [Grice 1975: 55]: говорящий не сообщает адресату ничего нового, делая по определению истинное утверждение. Несмотря на такую кажущуюся неинформативность, говорящие активно используют тавтологии в коммуникации, а слушатели с легкостью их интерпретируют. В лингвистической литературе это объясняется по-разному в рамках трех подходов: прагматического, семантического и гибридного, или семантико-прагматического.

Прагматический анализ тавтологий предполагает их осмысление по универсальным прагматическим принципам [Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991]. В рамках семантического подхода постулируется наличие конвенциональных значений для тавтологий в разных языках [Wierzbicka 1987; 1991]. Наиболее распространенный в настоящее время семантико-прагматический подход учитывает, с одной стороны, существование дефолтных значений для конкретных тавтологических конструкций, а с другой — влияние контекста и общих фоновых знаний коммуникантов на общую интерпретацию [Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990; Miki 1996; Autenrieth 1997; Meibauer 2008; Rhodes 2009; I. Kwon 2014].

Можно утверждать, что тавтологии в русском языке в разное время были подвергнуты анализу в рамках всех перечисленных подходов. А. Вежбицкая приводит примеры из русского языка как одно из доказательств лингвоспецифичности тавтологий: например, она анализирует отрывок из романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», где выражение *Война есть война* не может быть переведено соответствующей английской тавтологией *War is war* без изменения общего смысла [Wierzbicka 1991: 394]. В русле семантического подхода рассуждают и Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, ср.: «Способы переосмысления тавтологий задаются семантическими правилами конкретного языка» [Булыгина, Шмелев 1997: 445], а также предложенные семантические толкования для двух рядов тавтологий *X есть X* и *X это X* (см. ниже).

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Прочие структурные разновидности тавтологий, например условные (*если P, то P*), взаимоисключающие (*P или не P*), причинные (*P, потому что P*), относительные (*что P, то P*) [Ward, Hirschberg 1991; Autenrieth 1997; Meibauer 2008], а также нетавтологические конструкции с повторами *ну X и X*, *бывают X-ы и X-ы*, *X так X* и т. д. [Шведова 1960; Шмелев 1960/2002; Апресян 2010; Л. Йомдин 2013; Копотев, Стеклова 2016] остаются за рамками нашего исследования. Следует также уточнить, что эквативами называют и конструкции типа «такого же роста, как X» [Haspelmath 2015], которые, естественно, тоже остаются за пределами этой статьи.

Ю. Д. Апресян скорее поддерживает семантико-прагматический подход, отмечая, что радикально семантический и радикально прагматический подходы «не так непримиримы, как может показаться на первый взгляд»: с одной стороны, «псевдотавтологии» (как их обозначает Апресян, см. обсуждение терминологии в разделе 2.2) «универсальны в том смысле, что при их интерпретации эксплуатируется коннотативный потенциал лексемы, заполняющей переменную»; с другой стороны, они «национально специфичны, как специфичны сами коннотации» [Апресян 1995: 166—167].

Наконец, рассуждения Е. В. Падучевой о модели *X есть X* укладываются в рамки прагматического подхода:

Итак, мы вправе заключить, что конструкция *X есть X* не может быть описана на чисто семантическом уровне: **ее толкование обращено не к смыслу слова X, а к связанной с ним имплицатуре, которая целиком на совести говорящего и, в принципе, может быть своей для каждого употребления** (выделено нами. — Е. В., М. К.) [Падучева 2004: 107].

Следует отметить, что в указанных исследованиях, а также в других работах (см., например, [Николина 1984]), наибольшее внимание уделяется конструкции вида *X есть X*. На альтернативную конструкцию со связкой *это* обращают внимание Булыгина и Шмелев, которые указывают на семантические различия двух рядов тавтологий со связкой *есть* и *это*. Значение конструкций *X (и) есть X*, *X всегда / везде X* и т. п. описано ими следующим образом: «Все манифестации X-а, т. е. члены класса X или “инстанты” индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого», в то время как для конструкции *X это X* общее значение состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [Булыгина, Шмелев 1997: 506—509].

В настоящей работе мы также рассматриваем обе модели, однако используем более широкий материал, привлекая диахронические и синхронические данные. Во-первых, мы уточним, как именно происходило формирование данных конструкций, какая из них возникла раньше и каким образом появились различия между ними (раздел 1). Во-вторых, мы проверим описание двух конструкций, а именно укажем ограничения на заполнение переменных в обеих моделях, их частотность, содержательные характеристики обеих конструкций и существующие тенденции в их интерпретации (раздел 2). В Заключении будут представлены итоги исследования. Все материалы, кроме оговоренных специально, извлечены из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

1. Тавтологии в диахроническом аспекте

Конструкции с повтором лексического материала можно найти в древнерусском языке. Как отмечает А. И. Васильев, «абсолютное большинство таких выражений составляют глагольные тавтологические обороты, например: *видѣти видѣние, доумати доумоу* {...}. Именные тавтологические обороты составляли лишь небольшую часть от общего числа ТФЕ [тавтологических фразеологизированных единиц]: *волею и неволею, тмами тмы* и др.» [Васильев 2012: 32—33]. В древнерусских текстах не обнаруживается следов тавтологических конструкций, исследуемых в настоящей статье³. Они появляются в текстах Нового времени.

³ Отметим, что в древнерусском и церковнославянском языках можно найти многочисленные примеры структурно близкой, но семантически отличной конструкции, в которой повторяется не вся группа, а только ее вершина. Ср.: *Духъ есть Духъ пресвятый, Отцю и Сыну подобносущну и присносущно* [Новгородская пятая летопись (1550)].

1.1. X есть X

Первые примеры собственно тавтологий найдены нами в текстах начала XVIII в., и до второй половины XIX в. они остаются не слишком употребительными:

- (3) *Ибо насилие есть насилие, хотя над блудницею или честною женою* [Петр I. Артикул воинский (1715)].

Резкий всплеск их употребительности связан, по данным НКРЯ, с текстами М. Е. Салтыкова-Щедрина, у которого мы находим множество примеров такого рода:

- (4) *Оно до такой степени огорчает меня, что, во избежание дальнейших недоразумений, я вынужден громогласно объявить следующее: Глупов есть Глупов* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Глупов и глуповцы (1857—1865)].

Во второй половине XIX—XX в. эта конструкция регулярно употребляется в письменных текстах.

- (5) *...для контролера министерства финансов или для нашего экзекутора гальванометр есть гальванометр, николь есть николь и т. д.* [П. Н. Лебедев. Письма (1902)].

Употребление варианта тавтологической конструкции с глагольным компонентом *суть* следует за развитием *X есть X* с некоторым отличием, связанным с изменением функционирования собственно формы *суть*:

Суть — как форма 3-го лица мн. числа настоящего времени от *быть* — после утраты полной системы спряжения настоящего времени вспомогательного глагола, двигаясь по пути субстантивации, первоначально могла употребляться лишь в строго определенном синтаксическом кругу: в суждениях тождества и в логических определениях понятий. Например, *поэты суть гордость нации* и т. п. [Виноградов 1999: 674].

По данным НКРЯ, этот вариант исключительно редок и появляется в текстах не ранее второй половины XIX в. В дальнейшем они практически не встречаются, отражая общую тенденцию постепенного ухода связки *суть* из языка.

- (6) *И теперь я думаю об орлах так: «Орлы суть орлы, только и всего (...）」* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Орел-меценат (1869—1886)].
- (7) *Поскольку дело идет о чисто теоретическом объяснении мира, факты суть факты и их нельзя, как говорят немцы, «hinwegräsonnieren»* [С. Л. Франк. Непостижимое (1938)].

1.2. X это X

Продвижение прономинальной копии подлежащего в позицию прономинальной связки можно проследить в истории разных языков (см. [Citko 2008]; в [Kwon 2010] показано, что в русском языке этот процесс еще не завершен). Использование связки *это* в тавтологических высказываниях тоже не является уникальным. Подобным образом устроены, например, польские [Bondaruk 2014] и болгарские [Лазарева 2011] тавтологии. Уникальность русской конструкции связана с судьбой нулевой связки *есть*, которая является частным результатом более общего процесса в русском синтаксисе [Kopotev 2015] и которая создает условия для возникновения оппозиции *есть* vs. *это* в русском языке.

По данным НКРЯ, конструкция *X это X* проделывает тот же путь, что и *X есть X* с временной задержкой на один век: в начале XIX в. в текстах возникают конструкции с неполным совпадением именных групп (8); тавтологические высказывания со связкой *это* впервые появляются, по данным НКРЯ, в конце XIX в. (9)⁴:

⁴ Отметим, что и в этом случае М. Е. Салтыков-Щедрин выступает как языковой новатор.

- (8) *Хлеб насущный* — это хлеб, необходимый для того, чтобы существовать, или жить [митрополит Филарет (Дроздов). Пространный христианский Катихизис Православной католической восточной церкви (1823—1824)].
- (9) *Соломенная голова рассуждает так: рубль — это рубль, и ничего больше* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наш *savoir vivre* (1868)].

Представляется, что развитие этой конструкции связано с исчезновением связки *суть* и расширением функций местоимения *это*, которое постепенно, с середины XVIII в., начинает употребляться в функции связки в отождествительно-предметных предложениях и впервые встречается у А. П. Сумарокова в примерах разговорного характера с инфинитивом в качестве подлежащего [Руднев 2007: 90]. До середины XIX в. примеры с подлежащим-существительным и связкой *это* «остаются скорее исключением», так как воспринимались они как разговорные, однако затем количество их употреблений резко возрастает [Там же: 94].

Таким образом, исторически существование тавтологий прослеживается начиная с Петровских времен (для *X есть X*) с постепенным расширением сферы употребления. Отличия вызваны главным образом разницей в более общем развитии соответствующих связочных компонентов: *есть*, *суть* или *это*.

2. Тавтологии *X есть X* и *X это X* в синхроническом аспекте

Переходя к конструкциям *X есть X* и *X это X* в современном русском языке (1945—2016 гг.), заметим, что в существующих описаниях (см. раздел 1) основное внимание уделяется содержательным характеристикам, а синтаксические свойства тавтологий остаются за кадром. В данной работе мы стремились подробно рассмотреть оба аспекта, используя возможности корпусного исследования. По результатам можно утверждать, что синтаксические особенности каждой из конструкций тесно связаны с их интерпретацией, а значит, полученные данные позволяют не только представить синтаксические характеристики тавтологий, но и дополнить имеющиеся описания их семантики.

2.1. Синтаксис конструкций

2.1.1. Тавтологии на фоне общих оппозиций в связочных предложениях

Рассматриваемые в настоящей работе тавтологические конструкции, обладая набором уникальных черт, входят и в более общие оппозиции, из которых существенны следующие.

1. Предложения с выраженной vs. невыраженной связкой *есть* (о различиях между ними см. [Тестелец 2008; Letuchiy 2015]). Конструкции с невыраженным *быть* в русском языке, в свою очередь, делятся на биномитативные и однономитативные [Тестелец 2008: 778], к последним по ряду признаков относятся конструкции *X это X*, которые, в частности, не принимают сентенциального отрицания (**Петя не это Петя*).
2. Оппозиция Им. п. vs. Тв. п. при предикате, см. [Pereltsvaig 2007]. Поскольку номинатив обязателен для постсвязочных групп, содержащих указательные местоимения [Ibid.: 24], связка *это*, являясь по происхождению указательным местоимением, не допускает Тв. п.: **Работа — это работой*.
3. Оппозиция *есть* vs. *это*, см. [К. Kwon 2010]. Конструкции с *это* представляют собой «малую клаузу» (small clause), в которой *это* не является связкой, аналогичной *есть* или $\emptyset_{\text{сop}}$: *это* еще не оформилось в чистую связку монопредикативного предложения, а представляет собой элемент конструкции представления [Ibid.: 61].

Таким образом, с чисто синтаксической точки зрения две исследуемые конструкции устроены по-разному:

- *X есть X* представляет собой биноминативное предложение, в котором *есть* является чистой связкой, однако постсвязочный компонент включается в структуру не напрямую, а через DP [Pereltsvaig 2007: 25].
- *X это X* представляет собой частный случай однономинативного предложения, в котором *это* не является чистой связкой, а постсвязочный компонент включается в структуру напрямую, то есть в составе NP (именной группы) или других групп.

2.1.2. Состав синтаксических групп по корпусным данным

Обращаясь к частотному корпусному анализу рассматриваемых конструкций, необходимо еще раз подчеркнуть, что состав переменных в обеих конструкциях недостаточно определить в морфологических терминах. Место переменных занимают не лексемы как таковые, а синтаксические группы, демонстрирующие как стандартные синтаксические и морфологические свойства, так и присущие только этим конструкциям. Состав и частотность синтаксических групп обобщены в таблице⁵.

Таблица

Конструкция	NP	ProP	AdjP	NumP	VP	PredP	AdvP	PP	ConjP	Σ
<i>X есть X</i>	1535	22 ⁶	—	4	—	4	—	—	— ⁷	1565
<i>X это X</i>	348	138	—	7	4	5	11	1	—	514

Прежде чем перейти к анализу собранных данных, необходимо сделать одно важное методологическое замечание. Некоторые из синтаксических групп, не найденные в подкорпусе, можно найти в других источниках, в частности в сети интернет. Данные в таблице демонстрируют не абсолютный запрет, а тенденции, представленные в сбалансированном корпусе. Другими словами, отсутствие в таблице, например, AdvP для *X есть X*, говорит не о том, что они вообще невозможны, а о том, что их частотность существенно ниже NP в этой конструкции или AdvP в конструкции *X это X*.

Пожалуй, наиболее заметным в таблице представляется резкое преобладание конструкции *X есть X* с NP над всеми прочими вариантами. Даже без учета устойчивых выражений и клише, как то: *закон есть закон, Запад есть Запад, Восток есть Восток* и близких к ним *приказ есть приказ, жизнь есть жизнь* и т. п. — можно утверждать, что в современном русском языке это наиболее распространенная модель. Тем не менее при заполнении переменных другими синтаксическими группами «расклад» меняется, что связано с содержательными свойствами конструкций (см. раздел 2.2).

NP. Подавляющее большинство собранных примеров имеют в составе именные группы. Для обеих конструкций вершины NP стандартно заполнены существительными в Им. п.

- (10) *Сейчас мало людей, которые знают архивное дело так, как я. Любимая работа есть любимая работа!* [Яна Шевцова (КП-Казань). «Синий» человек теперь еще и не спит // Комсомольская правда, 2002.04.26].
- (11) *Поэтому я должен подготовить их к тому, что новые книги — это действительно новые книги* [Александра Маринина. Чужая маска (1996)].

⁵ Данные собраны в подкорпусе за период 1945—2016 гг. основного корпуса НКРЯ. Для поиска использовались серии запросов вида: **а* S_{nom}; на расстоянии от 1 до 3 от «есть»; на расстоянии от 1 до 3 от а* S_{nom}**. Полученные результаты просмотрены de visu.

⁶ Мы не учитывали клише *Кто есть кто, Что есть что* и подобные.

⁷ Мы не учитывали примеры типа *Но есть (одно) но*, где второе «но» — субстантив со значением 'недостаток', 'минус'.

Кроме того, в обеих конструкциях допускается эллипсис вершины NP с опорой на контекст и близкие к ним группы с субстантивированными прилагательными, которые иногда трудно отделить от эллипсиса именной вершины:

- (12) — *Вы так удивляетесь, будто я китайского языка не знаю. А его многие не знают. — Ну, китайский это китайский* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга, 2010].
- (13) *Теперь вас почему-то назначали (sic! — Е. В., М. К.) главным менеджером! <...> Главный есть главный* [Р. Лендел. Главный менеджер «Авангарда» Анатолий Бардин: «Ягр своим авторитетом на тренера Сумманена не давит» // Комсомольская правда, 2010.09.01].
- (14) *Он твердо знал, что белое — это белое, а черное — это черное, что умный — это умный, а глупый — это глупый...* [Давид Дар. Богиня Дуня и другие невероятные истории (1964)].

ProP. Особенности этой группы в целом совпадают с предыдущей. Подавляющее большинство примеров включают ProP с личными местоимениями в Им. п. (15—16), а конструкция *X.ProP это X.ProP* допускает и косвенные падежи (например, неканоническое подлежащее в (17)).

- (15) *Ничего другого, кроме себя, она не представляет, никакой тусовки, никакого поколения, она — есть она* [Ольга Кабанова. Рената Литвинова: «Это очень тяжелый труд — рассказывать истории» (2001) // Известия, 2001.08.22].
- (16) — *Интересно мне, почему ты — это ты, а я — я?!* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].
- (17) — *Скажи, что нам поесть. — Кому это — нам? — удивилась Людмила. — Нам — это нам...* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

AdjP. Адъективные группы с трудом попадают в подобные конструкции из-за наличия общего ограничения: позицию первого актанта не могут занимать прилагательные (а также личные формы глагола и некоторые другие формы). Найденные в корпусе примеры подобного рода при внимательном анализе были признаны субстантивами, см. выше пример (14).

NumP. Как кажется, особой разницы между конструкциями в заполнении переменных количественными группами не существует. В эту группу объединены примеры с количественными (18) и собирательным числительными (19) в качестве вершины синтаксической группы.

- (18) *«Любовник» — знак перехода Тодоровского в иное возрастное кинопоколение. Хотя он по всем (даже внешним) признакам еще весьма молод, все же сорок есть сорок* [Юрий Гладильщиков. Его жена и их любовник. «Любовник» Валерия Тодоровского (2002) // Известия. 2002.10.23].
- (19) *Всякое может случиться. Один — это один, а трое — трое...* [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)].

VP. В НКРЯ в конструкции *X есть X* глагольных групп не представлено; в конструкции *X это X* встретились глагольные группы с финитными и нефинитными формами: инфинитив (20) и претерит (21). Понятно, что спрягаемые формы глагола запрещены в первой конструкции в силу синтаксических ограничений глагольной формы *есть*: **Погиб есть погиб*.

- (20) *Серые, глубокие глаза Лобастого тихо сияют. — Начать — это начать, — бормочет он* [Василий Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту (1972—1974)].

- (21) *Колька опять приник к ней и опять стал уговаривать: в конце концов, погиб — это погиб* [Владимир Маканин. Голоса (1977)].

PredP. Предикативы представлены в корпусе в обеих конструкциях, и, по-видимому, речь идет о двух типах употребления. Так, в примере (22) предикатив *вне игры* обозначает определенную ситуацию, как и существительные *война*, *праздник* и т. п. В примере же (23) можно говорить о метаязыковом употреблении.

- (22) *И не оспоришь приговор арбитра — все верно, вне игры есть вне игры*⁸ [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].
- (23) *А вообще Полковник, по первому впечатлению — исправный служака, у которого, по анекдоту, «да» — это «да», а «нет» — это «нет», а слов «может быть» он не знает* [Андрей Лазарчук. Тепло и свет (1990)].

AdvP и PP. Предложные группы, которые могут использоваться в этих конструкциях, являются чаще всего локативными и темпоральными сирконстантами, т. е. наиболее близкими к наречным группам, что позволяет их объединить. Большинство примеров интерпретируются как метаязыковые, см. (24).

- (24) [Мит Андрей, ник] *Александр, история — точная наука. «В июле» — это «в июле»* [коллективный. Форум: Уничтожение польской профессуры Львова. Обсуждение (2012)].
- (25) *Завтра — это завтра, но уже сейчас стоит подготовиться* [Марианна Баконина. Девять граммов пластика (2000)].

Кроме описанных выше вариантов заполнения синтаксической группы, существуют и модификации конструкций, требующие особых комментариев.

Выражение связки формами не настоящего времени. При потенциальной возможности число таких случаев невелико. Кроме того, эта стандартная морфологическая трансформация не демонстрирует никаких особых синтаксических свойств, кроме ожидаемой замены именительного падежа на творительный⁹.

X был/-а/-о X (2 примера):

- (26) *Для него приказ был приказом, закон был законом, правильный, неправильный, но исполнять надо, раз это закон* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

X будет X (6 примеров):

- (27) *Пусть улыбка будет улыбкой, а нож — ножом* [Б. Б. Вахтин. Письма самому себе (1967) // Звезда, 2005].

X это был/-а/-о X (3 примера):

- (28) *Мать — это была мать, другая сторона, и незачем задевать ее в разговоре* [Дина Рубина. Терновник (1983)].

⁸ Оборот «вне игры» в корпусе не отмечен как отдельная составная лексема. Мы следуем сложившейся лексикографической практике и считаем его предикативом.

⁹ Наличие в современном языке полипредикативных синтаксических фразем типа *Дружба дружбой, а служба службой* [Nichols 1981: 208] позволяет предполагать наличие монопредикативных тавтологических клауз типа N.Nom + Cop + N.Ins, в которых реализуется падежное маркирование синтаксических ролей с помощью номинатива и творительного предикативного. Найти примеры такого рода ни в современном употреблении, ни древнерусском языке нам не удалось. Представляется отдельной и очень любопытной задачей сравнительный анализ двух конструкций: *X есть X* и *X X-ом, а / но P*. Здесь две специфически русские оппозиции (именительный vs. творительный предикативный и нулевая vs. ненулевая связка) реализуются в двух конструкциях по-разному и не тривиальным для русского языка образом.

Анафорический эллипсис вершины в *X это X*.

(29) а. *Обязательство в письменной форме — это [NP] в письменной форме* [Аркадий Львов. Двор (1981)], ср.:

б. **Обязательство в письменной форме — есть в письменной форме.*

Отрицание в обеих конструкциях. Анализ отрицания в русском языке, в том числе в связочных конструкциях, посвящено множество работ, требующих отдельного внимательного обсуждения, см. [Babby 1980; Brown 1999; Partee, Borschev 2008; Боршев и др. 2009]. Отметим кратко, что две конструкции ведут себя противоположным образом в условиях сентенциального отрицания (30) и похожим — в условиях локального отрицания (31):

(30) а. *...если результат заранее известен, то испытание не есть испытание* [Сергей Прокофьев: дневники (2003) // Российская музыкальная газета, 2003.02.12].

б. **Испытание — не это испытание.*

(31) а. *Ваши дети — это не ваши дети* [Юдина Светлана. Отстаньте от малыша: как отличить гиперопеку от заботы // Труд-7, 2010.02.18].

б. *Ваши дети есть не ваши дети.*

Итак, в рассматриваемых конструкциях допускается употребление целого ряда синтаксических групп, при том *X это X* демонстрирует больший спектр возможностей (например, личные формы глагола, см. выше). По данным реального употребления конструкций в НКРЯ можно заметить, что для NP в Им. п. гораздо более частотна (в пять раз!) конструкция *X есть X*, а для остальных групп — конструкция *X это X*. Это объяснимо с формальной точки зрения: в конструкции с *есть* наследуются синтаксические свойства глагольной связки (запрет на управление финитным глаголом, предпочтение именных групп, маркированных как подлежащее (каноническое или неканоническое) и именная часть сказуемого). Связка *это* исторически не имеет таких ограничений, поэтому более свободно сочетается с любыми группами.

2.2. Семантика конструкций

Переходя к содержательным характеристикам обеих тавтологий, еще раз отметим те сведения в существующих описаниях, которые мы хотели дополнить и уточнить.

Прежде всего, относительно толкования тавтологии *X есть X* в литературе представлены разные точки зрения: от выражения идеи равноценности членов внутри категории и отрицательного отношения говорящего к предмету речи [Булыгина, Шмелев 1997] до отсутствия у конструкции конкретного значения и ее способности передавать любую импликацию [Падучева 2004] (см. цитаты выше). Поскольку авторы опирались на собственную языковую интуицию, привлекая литературные либо сконструированные примеры в качестве иллюстрации, нам показалось важным проверить, в какой мере описанные интерпретации согласуются с употреблением конструкции в реальном языковом узусе по данным НКРЯ.

Далее, в существующих работах рассматривались конструкции с именными группами *NP соп NP*. Как было показано выше, это наиболее частотный, но не единственный вариант, поэтому требуется описание, которое учитывает и другие синтаксические группы в качестве переменных.

С семантикой конструкций связан и вопрос терминологии; в литературе рассматриваемые обороты обозначаются как биноминативные **псевдотавтологические** конструкции [Апресян 1995], «тавтологии», «тавтологичные» высказывания (с употреблением кавычек) [Булыгина, Шмелев 1997], тавтологии (без кавычек) [Падучева 2004], что также заслуживает отдельного обсуждения.

По результатам анализа выяснилось, что сформулированное нами выше наблюдение относительно синтаксических характеристик конструкций применимо и к характеристикам содержательным: следует различать те значения, в которых *X есть X* и *X это X* могут иногда употребляться, и те, в которых они используются более или менее регулярно.

Говоря о **способности** конструкций передавать конкретные значения, надо отметить, что, по нашим данным, выводы Е. В. Падучевой о необходимости обращения к имплицатуре и невозможности описания *X есть X* на чисто семантическом уровне справедливы и в отношении *X это X*, т. е. **обе рассматриваемые конструкции в принципе позволяют передать любое содержание и любое отношение говорящего**. В НКРЯ встретились случаи, когда обе тавтология передавали «чужие» значения, противоречащие описанным для каждой из них в [Булыгина, Шмелев 1997].

В (32) тавтология *X есть X* выражает идею уникальности и особого статуса Пьера Кардена¹⁰, а также передает положительное отношение говорящего, что, по мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, свойственно конструкции *X это X* [Там же: 509]. Напротив, в (33) имеет место отрицательное отношение и «констатация общего свойства всех манифестаций индивида или класса», которую исследователи приписывают конструкции со связкой *есть* [Там же: 508].

(32) *Это прекрасная новость. А у него есть конкурент? Компания «Боско»? Хорошая марка, но Карден есть Карден. Он обладает абсолютным вкусом, великолепно чувствует линию, красоту* [Долгополов Николай. Пьер Карден против «Боско» // Труд-7, 2007.03.02].

(33) — *Насколько мне известно из допросов военнопленных, — заметил Вайс, — советские люди, например, несмотря на все, убеждены, что гитлеровцы — это одно, а немецкий народ — совсем другое. — Вздор! — горячо воскликнул Генрих. — Немцы — это немцы, и все они одинаковы* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)].

Таким образом, в отличие от других конструкций с повторами *XX-ом, а...* [Шахматов 1941; Шведова 1960; Шмелев 1960/2002; В. Апресян 2014], *Z X-оват не X-овал (но... P)* [Л. Йомдин 2013], *Бывают X-ы и X-ы; Ну, X и X* [Апресян 2010] и т. д., в которых за синтаксическими паттернами закреплены конкретные значения, для тавтологий в русском языке всегда находятся «контрпримеры», опровергающие возможные толкования¹¹.

С другой стороны, анализируя реальное функционирование тавтологий в текстах, можно говорить об определенных тенденциях в их употреблении и интерпретации. В целом, в конструкциях *X есть X* дается характеристика предмету речи: первый повторяющийся элемент указывает на объект, а второй — на его свойство, что соответствует трактовкам в [Апресян 1995; Булыгина, Шмелев 1997]; в конструкциях же *X это X* утверждается тождество объекта самому себе, то есть *X есть X* чаще выступает как псевдотавтология (или «тавтология»), а *X это X* как настоящая тавтология в витгенштейновском смысле¹².

Из этого следует ряд более частных содержательных особенностей, которые согласуются с описанными выше синтаксическими характеристиками конструкций и перекликаются с наблюдениями других исследователей.

Во-первых, если для конструкции *X есть X* чаще всего принципиально общее знание коммуникантов о свойствах предмета речи (в противном случае имплицатура 'X обладает

¹⁰ Ср.: «Высказывание *Фишер — это Фишер* звучит естественно, например, в ситуации, когда, получив известие о новой победе американского гроссмейстера, говорящий подчеркивает, что этого и следовало ожидать» [Булыгина, Шмелев 1997: 444].

¹¹ По-видимому, та же ситуация имеет место и в английском языке: критика семантического подхода А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987] во многом основывалась именно на том, что существует ряд примеров, не подходящих под ее описание, см. [Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990].

¹² См. также описание класса глубоких тавтологий (deep tautologies) в [Bulhof, Gimbel 2001].

типичным для него свойством Y' не распознаётся и говорящий потерпит коммуникативную неудачу), то конструкция $X \text{ это } X$ используется и в тех ситуациях, когда общее знание отсутствует. Так, в примере (34) девушка-администратор отвечает на вопрос постояльцев о временных границах, установленных в их гостинице, то есть стандартное разделение суток в данном случае не работает и отсылка к нему неправомерна (утро не заканчивается в десять часов). Здесь тавтология используется скорее как риторический прием, подчеркивая правоту говорящего за счет логической истинности высказывания в буквальном смысле и предупреждая возможные возражения адресатов.

(34) — *Утро — это до какого часа? — Утро — это утро, до десяти. Но телефон не входит* [Сергей Юрский. Сеюки (1997—1998)].

Во-вторых, в соответствии с наблюдениями Булыгиной и Шмелева, $X \text{ есть } X$ чаще используется при обсуждении членов **внутри** одной категории, а $X \text{ это } X$ — при указании на отличие категории от **внешних** сущностей. Например, тавтология *Дети есть дети* имеет в НКРЯ 19 вхождений¹³, из которых в 17 примерах речь идет исключительно о детях и их характеристиках. Тавтология *Дети — это дети* имеет в НКРЯ пять вхождений, из которых в двух выражается необходимость отличать детей от женщин или собак, в одном — противопоставлены друзья и члены семьи (жена и дети), в двух оставшихся подчеркивается особый статус детей в жизни родителей. Также следует отметить, что почти половина всех вхождений конструкции $X \text{ это } X$ приходится на их употребление в рамках так называемых сопоставительных тавтологий со структурой $X \text{ сор } X, (a / no) Y \text{ сор } Y$, которые указывают на различия между двумя объектами / ситуациями (подробнее см. [Вилинбахова 2016]). Отрицание возможности сходства предмета речи с другими сущностями, не говоря уже о его отождествлении с чем-то кроме себя самого, оказывается еще одним логическим свойством тавтологий, проявляющимся в языке.

Наконец, конструкция $X \text{ это } X$ более активно используется в метаязыковом значении наряду с моделями $X \text{ значит } / \text{ означает } X$, указывая не на предмет речи, а на способ употребления языкового выражения¹⁴. В отличие от псевдотавтологий, где говорящий каждый раз выбирает один из множества стереотипических признаков объекта, передавая слушателю новую в контексте отдельно взятого речевого акта информацию (адресат не может знать заранее, какая именно характеристика объекта будет передана с помощью тавтологии), в метаязыковых высказываниях оба участника общения оперируют только одним, наиболее общепринятым в языковом коллективе словарным значением¹⁵.

В метаязыковых тавтологиях первый из повторяющихся элементов имеет не термовый, а автономный референциальный статус, поэтому его место может занимать практически любое языковое выражение, включая союзы, частицы, предикативные конструкции, личные формы глагола, именные группы в косвенных падежах и т. п., см. выше и (35). Для $X \text{ есть } X$ метаязыковое употребление не так характерно, чем можно объяснить более низкую вариативность синтаксических групп на месте переменных конструкции в НКРЯ (см. таблицу).

(35) а. — *Исчез — это исчез, и все тут, — вздохнул Болсохоев* [Вячеслав Рыбаков. Грави-лет «Цесаревич» (1993)].

б. **Исчез есть исчез.*

¹³ Для экономии места мы не приводим здесь примеры, но они легко могут быть найдены по соответствующему запросу в НКРЯ (основной корпус, 1945—2016 гг.).

¹⁴ См.: «Используя метаязыковые тавтологии в речи, говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него, а именно: эвфемизации, иронии и гиперболю» [Вилинбахова 2015].

¹⁵ Иногда это подчеркивается апелляцией к словарю, см. пример метаязыковой тавтологии: «Новый это значит новый. (Открой словарь русского языка). Если есть какие-то сомнения то не покупай дешевле все равно не найдешь» [Б. Иомдин 2014: 119].

При сопоставлении возможных значений тавтологий *X есть X* и *X это X* с данными других языков обращает на себя внимание тот факт, что псевдотавтологическая интерпретация 'X обладает типичным для него свойством Y' фиксируется во всех описаниях, независимо от подхода и исследуемого языка, а буквальные тавтологические интерпретации, включая метаязыковые, либо не учитываются вовсе [Autenrieth 1997; Meibauer 2008], либо описываются как особый **дополнительный** подкласс [Bulhof, Gimbel 2001]. Единичные экспериментальные исследования интерпретации тавтологий вне контекста также показывают, что центральным значением для испытуемых является именно отсылка к стереотипу объекта / ситуации, см. [Gibbs, McCarrell 1990]. Таким образом, можно утверждать, что в русском языке при потенциально равных возможностях конструкций *X есть X* и *X это X* в реальном языковом узусе вторая выступает своеобразным «дублером» первой и используется для выражения всех прочих значений, отличных от основного. Это согласуется и с нашими количественными данными: *X есть X* является гораздо более частотной, поскольку, как правило, выражает центральное значение языковых тавтологий, а бóльшая вариативность синтаксических групп на месте переменных в *X это X* объясняется ее использованием при передаче буквальных тавтологических значений, так как при установлении тождества сущности самой себе ее природа не имеет значения.

Итак, не вполне правомерно, с одной стороны, обозначать конструкции как **тавтологии**, если в большинстве случаев они таковыми не являются. С другой стороны, прочие варианты (псевдотавтологии, «тавтологии») также вводят в заблуждение, не учитывая случаи употребления тавтологий в буквальном смысле. При использовании терминов «конструкции с повторами» или «редупликация» мы включаем рассматриваемые конструкции в заведомо более широкие классы явлений, игнорируя такие их дифференциальные признаки, как, например, отсутствие фиксированных значений (см. выше) и др. Возможно, имеет смысл употреблять термин «языковые тавтологии», что, во-первых, отражает их структурные особенности, во-вторых, согласуется с зарубежной традицией их именованья (linguistic tautologies), и наконец, позволяет отличить их от логических тавтологий, о которых писал Витгенштейн.

Заключение

Тавтологические высказывания в русском языке представляют собой уникальное явление. Если в большинстве индоевропейских языков тавтология реализуется с помощью связок, аналогичных *быть*, то в русском на фоне широкого распространения конструкций с нулевой связкой возникают две тавтологии: с глагольной связкой *есть / суть* и с неглагольной полусвязкой *это*. Первая, восходящая к древней индоевропейской модели, не является простой типологической параллелью структурно близким тавтологическим высказываниям в других языках, так как наличие выраженной связки в современном русском языке маркировано. Вторая также не может считаться полным аналогом тавтологий в европейских языках, так как имеет в своем составе неглагольный элемент *это*. В современном русском языке предложение с *есть* представляет биноминативную конструкцию с чистой глагольной связкой, которое способно присоединять, фактически, только формы Им. п. В предложении с *это* нет чистой связки, но есть признаки «малой клаузы», способной присоединять «постсвязочный» компонент в виде разных синтаксических групп. По нашим данным, *X есть X* имеет бóльшие ограничения на состав переменных; в то же время сама конструкция оказывается значительно более частотной, чем конструкция *X это X*. Последняя допускает в качестве повторяющихся элементов почти любые синтаксические структуры, включая предикативные. Обе конструкции в принципе способны выразить любое значение, однако в реальных текстах *X есть X*, как правило, использует разные компоненты значения X, отсылая, например, к коннотациям языкового выражения, тогда как *X это X* чаще выражает собственно тождество X-а самому себе, то есть и является тавтологией в витгенштейновском смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ю. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156—178. [Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vols. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoj Kul'tury», 1995. Pp. 156—178.]
- Ю. Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Ju. D. Three-level theory of government: Lexicographic aspect. Apresjan Ju. D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya*. Apresjan Ju. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- В. Апресян 2014 — Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. [Apresjan V. Yu. *Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language. Doct. dis.]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2014.]
- Борщев и др. 2009 — Борщев В. Б., Падучева Е. В., Парти Б. Х., Тестелец Я. Г., Янович И. С. Синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание в русском языке // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 129—143. [Borshchev V. B., Paducheva E. V., Parti B. Kh., Testelecs Ya. G., Yanovich I. S. Syntactic, semantic, and pragmatic negation in Russian. *Logicheskii analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya*. Moscow: Indrik, 2009. Pp. 129—143.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoj Kul'tury», 1997.]
- Васильев 2012 — Васильев А. И. Фразеологическая тавтология в древнерусском языке // Rhema / Рема. 2012. № 1. С. 29—33. [Vasil'ev A. I. Phraseological tautology in Old Russian. *Rhema / Rema*. 2012. No. 1. Pp. 29—33.]
- Вилинбахова 2015 — Вилинбахова Е. Л. *Статья значит статья*: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Селегей В. П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 638—649. [Vilinbakhova E. L. *Stat'ya znachit stat'ya*: On a class of tautological constructions in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegei V. P. (ed.). No. 14 (21): In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2015. Pp. 638—649.]
- Вилинбахова 2016 — Вилинбахова Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 61—74. [Vilinbakhova E. L. Coordinated tautologies in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 2. Pp. 61—74.]
- Виноградов 1999 — Виноградов В. В. История слов. М.: ИРЯ РАН, 1999. [Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1999.]
- Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. [Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical investigations]. Part I. Moscow: Gnozis, 1994.]
- Л. Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но...*: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Селегей В. П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309—322. [Iomdin L. L. *Chitat' ne chital, no...*: On a Russian construction with repeated lexical elements. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegei V. P. (ed.). No. 12 (19): In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2013. Pp. 309—322.]
- Б. Иомдин 2014 — Иомдин Б. Л. Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 114—132. [Iomdin B. L. Google

- it in Dal'. Dictionaries in Internet discussions. *Sovremennyi russkii yazyk v internete*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014. Pp. 114—132.]
- Копотев, Стексова 2016 — Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянских культур, 2016. [Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo. Perekhodnye edinity v grammatike i slovare* [Exception as a rule. Transitional units in grammar and lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2016.]
- Лазарева 2011 — Лазарева В. А. Тавтологические конструкции с именем собственным в болгарском языке // Иванова Е. Ю., Шанова З. К. (ред.). XVI Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. С. 75—83. [Lazareva V. A. Tautological constructions with proper nouns in Bulgarian. *XVI Dержавинskie chteniya: Sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki*. Ivanova E. Yu., Shanova Z. K. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011. Pp. 75—83.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Николина 1984 — Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. С. 38—46. [Nikolina N. A. Structural-semantic characteristics of sentences like «Zhizn' est' zhizn'». *Predlozhenie kak mnogoaspekt'naya edinita yazyka*. Moscow: Moscow State Institute of Education, 1984. Pp. 38—46.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Руднев 2007 — Руднев Д. В. Местоименная связка *это* в историческом аспекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 89—99. [Rudnev D. V. Pronominal copula *eto* in historical perspective. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2007. No. 2. Part I. Pp. 89—99.]
- Тестелец 2008 — Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Розина Р. И., Кустова Г. И. (ред.). Динамические модели: Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 773—789. [Testelets Ya. G. The structure of sentences with an implicit copula in Russian. *Dinamicheskie modeli: Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Rozina R. I., Kustova G. I. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 773—789.]
- Шахматов 1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of Russian]. Leningrad: Uchpedgiz, 1941.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Шмелев 1960/2002 — Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 413—439. [Shmelev D. N. On «bound» syntactic structures in Russian. Shmelev D. N. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 413—439.]
- Autenrieth 1997 — Autenrieth T. Tautologien sind Tautologien. *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte* [= Linguistische Berichte. Sonderheft 8]. Rolf E. (ed.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 12—32.
- Babby 1980 — Babby L. *Existential sentences and negation in Russian*. Ann Arbor (MI): Karoma Publ., 1980.
- Bondaruk 2014 — Bondaruk A. Polish equatives as symmetrical structures. *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case*. Bondaruk A., Dalmi G., Grosu A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 61—94.
- Brown 1999 — Brown S. *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Chicago: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Bulhof, Gimbel 2001 — Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics and Cognition*. 2001. Vol. 9. No. 2. Pp. 279—291.
- Citko 2008 — Citko B. Small clauses reconsidered: Not so small and not all alike. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 261—295.
- Chvany 1975 — Chvany C. *On the syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge (MA): Slavica Publ., 1975.
- Escandell-Vidal 1990 — Escandell-Vidal M. V. Nominal tautologies in Spanish. Talk given at the International Conference of Pragmatics (Barcelona, Spain, July, 9, 1990).

- Fraser 1988 — Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1988. Vol. 12. Pp. 215—220.
- Gibbs, McCarrell 1990 — Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1990. Vol. 19. Pp. 125—145.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975. Pp. 41—58.
- Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. *Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. [In press. Available at: www.academia.edu/25776521]
- Kopotev 2015 — Kopotev M. Reconstruction and idiomaticity: The origin of Russian verbless clauses reconsidered. *Folia linguistica historica*. Vol. 36. No. 1. Pp. 219—243.
- K. Kwon 2010 — Kwon K. *The small clause in Russian: Structure and history* (manuscript). Harvard University, 2010. PhD thesis.
- I. Kwon 2014 — Kwon I. Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory. *Language Sciences*. 2014. Vol. 45. Pp. 44—55.
- Letuchiy 2015 — Letuchiy A. Russian zero copulas and lexical verbs: Similar or different? *Lingue e Linguaggio*. 2015. Vol. 14. No. 2. Pp. 233—250.
- Levinson 1983 — Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Meibauer 2008 — Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and Cognition*. 2008. Vol. 16. Pp. 439—470.
- Miki 1996 — Miki E. Evocation and tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 25. Pp. 635—648.
- Nichols 1981 — Nichols J. *Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian*. Berkeley: Univ. of California Press, 1981.
- Partee, Borschev 2008 — Partee B. H., Borschev V. Existential sentences, BE, and the genitive of negation in Russian. *Existence: Semantics and syntax*. I. Comorovski, K. von Heusinger (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 147—190.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. *Copular sentences in Russian: A theory of intra-clausal relations*. Dordrecht: Springer, 2007.
- Rhodes 2009 — Rhodes R. A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English (manuscript). Available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf.
- Ward, Hirschberg 1991 — Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. *Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. Pp. 507—520.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. Boys will be boys: “Radical semantics” vs. “radical pragmatics”. *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 95—114.
- Wierzbicka 1991 — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Получено / received 25.08.2016.

Принято / accepted 22.11.2016.